

Анатолий Ливри
ПОСМЕРТНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ
(*стихи*)

Москва

2008

Совместный издательский проект
клуба «Классики XXI века»
и серии «Русский Гулливер»

поэзия

основан в 2007 году

*Руководители проекта Вадим Месяц
Елена Пахомова*

Главный редактор серии Андрей Тавров

Оформление серии Маргарита Каганова

Анатолий Ливри

Посмертная публикация. Книга стихов / Серия «Русский Гулливер».
/Литературный клуб «Классики XXI века»; М.: Изд-во Р. Элинина, 2008 — 40 с.

Анатолий Ливри прозаик, поэт, философ. Родился в Москве, с 1991 г. живет во Франции и Швейцарии. Автор книг «Выздоровливающий», «Набоков нищенец» (Алетейя), «Ессе Номо», «Физиология Сверхчеловека» («Гелеос»). Преподавал русскую литературу в Сорбонне, исследовал творчество Набокова, Еврипида, Поля Клоделя, Фридриха Ницше. Работы опубликованы немецким издателем Фридриха Ницше «Walter de Gruyter», а также Берлинским Университетом и эллинистами Сорбонны. В настоящий момент готовит к публикации роман. Особенности стиля Анатолия Ливри стоили писателю подлинной травли развязанной против него в околосредствительных кругах. В силу этого и ряда других обстоятельств часть стихов сборника написана в базельском СИЗО.

ISBN 978-5-91627-006-8

© Ги́ла Лора́н, 2007
© Решетников К., 2007
© Каганова М., оформление, 2007
© «Русский Гулливер», 2007
© «Классики 21 века», 2007

Стихи Пана

Для восприятия стихов Анатолия Ливри, впрочем, также как и для его прозы, недостаточно глаз и некоторого понимания смысла. Здесь надо воспринимать взором, кожей, памятью и, главное, верить в эти стихи, как в некое филологическое и физиологическое чудо. Превращение слов в чувствовании. Стихи, впрочем, требуют духовного противоборства и собственного заряда. И заряд и сила есть далеко не у всех. Стихи возбуждают, поднимают и делают интеллектуально равным автору. Может быть, это не Ливри написал, а я, читатель? Такие стихи обычно открываются в черновиках после смерти автора. Впрочем, в данном случае оно так почти и было. Судя по глухим отголоскам прессы, какая-то интеллектуальная история с Ливри случилась, недаром кое-какие опусы в сборнике помечены названием современного узилища. Впрочем, в литературе часто все лучшее создавалось или в тюрьме или в бедности. Судя опять по слухам, преступление – самое писательское и вся ситуация античная. Судят за слова, за мнение, за точку зрения. Приблизительно в той же ситуации Анна Ахматова воскликнула: «Какую биографию делают нашему рыжему!» Она имела в виду Бродского. В случае с Ливри его интеллектуальные и служебные недруги кое-чего недоделали – а цукута из рук академического профессора?

«Это тебе не бином Ньютона, как устами одного из персонажей, говорил Булгаков», но совершенно очевидно из любого текста Ливри, что это автор античник, причем не просто любитель или унылый латинист в школе, а любящий специалист, знающий все закоулки и смысловую механику этого мира, покрытого позолотой. Я тоже люблю этот мир и, как и любой русский, являюсь его наследником. Недаром в былинные времена одним из первых на русский переводились истории с родины козлоногого Пана. Все мы немножко играем на свирели. Ливри здесь высвистывает мастерски. Иногда, правда, его свирель поднимается до звенящей и пронзительной патетики флейты.

Литература часто обращается к своей проматери, к античным временам. Это довольно легкая добыча, когда не из сегодняшнего дня, и когда это просто игра графомана. Для Ливри это античное зазеркалье естественная среда обитания, где живут все примеры и преступления сегодняшней жизни. Второй язык, он счастливый билингв. Но там все проще, там и человеческий суд, и божественный, и литературный пря-

мее даже в своих ошибка. Ливри не игрок, он деятель, он выныривает оттуда , чтобы глотнуть ледяного воздуха сегодняшней жизни и утащить туда на расправу очередного недруга. Что еще? Читайте, по возможности легкими, кожей, животом. Мое любимое стихотворение в этом «посмертном» сборнике это стихотворение о Мандельштаме. «Растерзан века и собак клыком». История действительно, не новая. Кто следующий?

Сергей Есин

ВИНОЦВЕТНОЕ МОРЕ

Он одноглаз, библиотекарь!
Неслышна поступь конских ног.
И только тощий швабский пекарь
Проводит взором бег тех дрог,

Что по проспекту, и без Граций,
Скользят с наклоном, точно бриг,
Под плеск завьюженных оваций,
Златящих рысий воротник,

Преображая в путь Ясона
К Медее бойкую рысцу.
С колхидской мягкостью, без звона
Гнедая пляшет по плацу,

Рожают главы скифов митры,
Ясон срезается как рок,
Как бычий рог во славу Митры,
И кутает в руно ездок

Отмеченное бездной око.
В нём, выгнув стан свой журавлём,
Улисс, витийствуя, до срока
Пелида требует шелом.

И сладостно сретенье многотенья
В гиперборейской дивной стороне,
Где утреннее жаркое движенье
Раздует чёрный парус по стене

С терпандрострунной лемносской повадкой!
На силуэтов пенный хоровод
Он взглянет, их заложник, и украдкой
Перст по руну станцует перевод.

Анатолий Ливри

Март 2003 Следственный изолятор кантона BASEL-STADT

МАНДЕЛЬШТАМ

*Мне вдохновляет душу Мандельштам!
Его и мрак неймёт, а светотени
Без мученичества не отдаст он вам.
Уж вы не спорьте с ним, бегите пени!*

Анатолий Ливри, Дневник, 1984

Ваятель сладостного слова,
Стиха святого ярый маг,
Растерзан века и собак
Клыкком – история не нова!

Твой вопль взорвал года. Стрекозы
На шум слетелись, бья крылом,
Как херувимов вольных грёзы
Златодрожащих под окном

Полком терпчайших междометий
Полутанцующих в хмелю.
И ждёт воловьих многоплетий
Душа воспевшего зарю,

Душа с тончайшей чуткой кожей,
Впитавшей яхонт и алмаз,
Свечу, носилки, розы дождей,
И заменив поэту глаз.

Омандельштамленна стихия
Торопкой нервной рукой
И влюблена, как в брата Лия,
Как виноцветие в покой.

Март 2003 Следственный изолятор кантона BASEL-STADT

ОШИБКА ВЕКОМ

Средь лукоморцев разудалых,
Их лангобардовых дядьков,
Селений баржевых ольялов
Из смолодышащих дубов

Сработанных без капли меди,
Вплавленной в лезвия мечей,
Я был бы счастлив, — книгочей,
Царьградской альфы, русской веди

Приятель зимнюю порой —
— Буй-воин всякою весной,
Когда бы сонм свирепых стай
Во греки я водил. И рай

Бы взял меня хмельной:
У ярлов я бы мёд золотой
Хлестал, и блял как Хейдрун,
С кифар сдирая жатву струн.

Март 2003 Следственный изолятор кантона BASEL-STADT

ВОЗВРАЩЕНИЕ И ОБЕТ ЯКХУ

Как Солон полн солоноватых волн,
И мудрости, и золота, и брашни,
Сквозь Нила рай и чуда похорон
Я возвращусь к предчувствию вчерашней

Любви – боязни горестей, стыда,
Судов... причаливших – как жгуча их прохлада!
В ней потянусь, промолвлю томно «Да»,
Как *veto* смерти, стон счастливый чада.

И вот уж с вами: полудревен,
Прекрасноглаз, прекрасноус,
Привлѣк я статью трёх царевен,
Полуарапский мой бурнус

Полураспушен... Пересмешник
Твоих, мой Боже, пьяных слов, –
Я стану – лучший твой кромешник,
Мистерий жрец и страж оков.

Париж, 14, 15 сентября 2006

РОЖДЕНИЕ КАИНА

Лишь разум – чувства проволочка,
Замрёт, промолненный насквозь,
Лишь тела пастырь – оболочка, –
Расставит утро с полднем врозь,

Вмиг расцветает окаянный
Зарницы прихвостень – восторг,
С востока ток нахлынет рьяный,
Затеют Музы громкий торг.

Ариаднолик и смертоносен,
Сойдёт с Парнаса Аполлон
Средь чар и чад. Ему несносен
Из ягод лавра самогон:

Лук прозвенит – и уж обилен
Голов учёных урожай!
А кто из нас, ответь-ка, Силен,
Родился вовремя? Ты, чай,

Как я, не принят в свиту:
Без свитки с золотом Вакха вид
Наводит ужас на Хариту,
С ней рога носец-инвалид

Бежит Вулкан, от сажи чёрен.
Лишь мы с тобой, отведав зёрен,
Оперсефонены вдвоём:
Ты – на осле, а я с копьём,

Переиначенным в перо,
Что своевольно, как ребро,
Обретше жизнь. Вдруг Феб затих –
– На лист родится Каин-стих.

Париж, 18 сентября 2006

ПРЕДРАССВЕТНОЕ ПИНДАРОРЕЧЬЕ

Пиндароречье, зверодумье,
Алкменоликая печаль,
Амфитрионово безумье,
Гераклов вечный выстрел вдаль —

— Вот основание Ахейи! —
Арийской мудрости восторг,
Стеблей дорийских пропилеи,
Сократа с Ионом славный торг

И танец конницы зернистый
Вслед смерти, краше коей нет,
Сквозь дол фракийский желтолистый,
Аресу медный дав обет.

Она жива, эллинской брани
Ратумья — сладость вешних снов!
Фаланги лёгкое дыханье
Лишает вакхов ритм оков

На наших персях и запястьях,
Копытах пляшущих козлов,
И плещет в ямбовых объятях
Софоклов ропот ярых слов.

Я перечёл вам мои грёзы
Как клин старинный кораблей.
Ночное бденье, прочь угрозы!
Вернись без брата, друг Морфей.

Париж, апрель 2006

ШОТЛАНДСКАЯ ПОЭМА: «КИСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ»

Моя безумная десница!
Мой восхитительный божок!
Во тьме поющая синица,
Иль травли болдинской рожок

Тебя к творенью призывают.
Чуть чует дух священный шум,
Чуть Мойры мир приоткрывают,
Ты отметаешь пошлый ум,

И словно вещий чародей,
Клянуший Лету и Харона
Кидаешь в пламя ты людей,
Их страсти! Не щадишь и трона,

Где восседает с Герой царь —
— Хитрющий *орловидный бык*:
Такая смесь внушала встарь
Почтенье к похоти владык,

Как распевал о том Омир;
Кулак аскрийский Гесиод
Им с Музой льстил, просясь на пир,
И даже древний идиот,

Ксантиппин муж, нацеля око
На отрока, достигше срока
Эрота игр, не смел пенять
На олимпийскую сверх-мать.

Теперь другие времена:
Утёк к индийским скалам бык,
Там вмёрз во льды, стал глух на крик.
Европа, статна и верна,
Уж не прильнёт к его рогам,
И тёмно-синий птичий гам
Не обозначит нам пути

На скену. Хора не найти...
Так что ж, горячая десница,
Поэмы властная свекровь!
Кому червонная зарница
Подарит гибель и любовь?

Какой горе? Какой пещере?
Какому старцу? Расскажи!
Тебе поверю — ведь лишь в вере
Добудешь пьяный вереск лжи.

Шотландия,
Перед весной 2006

PARODOS

Безумства прошлого объятья,
Прошу, примите вновь меня,
Без вас я болен! Мне же братья —
— Серп, шелест жадного огня,

Что опалил меня порядком.
Мне космос — лекарь и *asile*,
Убийство — сфинксова загадка:
Как славно монстр мне отомстил!

И пусть глагольной рифмы след
Не извинит мой галльский бред,
Его осеннюю порой
Пришпорю русскою хандрой:

Сюда, неистовые чары!
Струитесь жатвою на грудь,
И обезумленную суть
Вдавите в землю, как жогады,

С которых прыщит урожай
Как плоть обрезанных гроздей,
Их кожа — шёлк менад грудей,
Дарящих с тьмою пьяный рай

Иссохшим кровогубым ртам,
Чей стон — как гимн, чья песнь — как вой,
А я верчусь, с серпом, хмельной,
К фиванским семерым вратам,

Что обнажают, как жумчуг
Ряды дрожащие кольчуг,
Звонящих бычьей тетивой:
«Я — царь, я — раб, я — голос твой!»

Париж, 29 сентября 2006

ЧЕРЕШЕННЫЙ САД

Я праправнук чтецов Оссиана,
Осеянна десница моя их безумством:
Свирепствует славно, словно спьяна
Семитов семья! Вольнодумством

Пророк не утешен, он лишь древних волхвов
Разговор пропоёт, запинаясь и бешен,
Как с поличным изловленный вор тех черешен,
Рассаженных Богом в подражание ритму стихов.

Париж, 27 ноября 2006.

ОРАКУЛ ЛИВРИ

«Сен-Флорен», – стонет по плитам копыто. «Сен-Флорен», – гладит щебень пята. Здесь не жизнь в землю лицом зарыта, здесь маркиз кривит свои уста: «Эй, Голиаф, я почти возродил Давида, с фрондой обмякшей в зубах, кремнем дорожным в руке!». Точно Луары мускат, или другого вида в муках созревшей лозы будет лежать тоске преданный мраморный стан! Нюхом горжусь я волчьим, века собачий дух чую я за версту. Вот и пророчество: *Лувр восстановлен отчим титулом будет, кровь перегнав в красоту.*

Остров на Луаре, 15 Октября 2006

ЗАКЛИНАНИЕ

*«Вашей пулей – и горд и обижен,
К топору приручил позвонки,
Но всегда посрамлён и унижен
Прикасанием вашей руки.»*

Анатолий Ливри, «Сорбонна», Цюрих, октябрь 2001

Вас заклинаю чистотой проклятья,
Геракловой корявой булавой,
Булавкою иокастового платья
(с царицей этой, хоть ты сядь, хоть стой,

Не избежишь сыновьего зачатья
В братоубийством славном чреве Фив).
Вас *заклинаю* (восприми курсив
Как брызг слюны) аидовым объятем.

Вас заклинаю мужем-небосводом
Сосной пронзённым – алой от стыда
Победы над Ураном, – и народом,
Которому что *strada*, что *страда*,

Всегда расплатой му́ка, иль мука́,
А пуще – скука – ярый враг плебея.
В сём заклинании старинная затея
Об избавлении поэта от щелчка

Затворницы фригидной, иль затвора,
Который – клинг-клинг-клинг! – пугает вора
Спокойствия в подмышках потных душ:
Уймите пошлый говор, вашу чушь,

«Наукой» наречённое мычанье,
Пропитанное хамством да тоской,
А лучше: удалитесь на покой,
Себе воздвигнув столп навек – молчанье.

Париж, 20 ноября 2006

МОШЕННИЧЕСТВО

Как крови ток брахманской, Афродита,
Ты, шелестя, танцуешь на песке
Небес окраски, цвета кожи Клита,
Иль Калиты ларца, моей тоске

Усердно лъстя шипеньем.
И пены хлопья с пеньем
Хоровым осядут на берег, средь ос
Да неги тленья, торгуемой огулом Пандемос.

Канны, 23 ноября 2006

ШУТКА АРИСТОФАНА

То колесо, когда оно катилось,
По лёгкой нерасчлененной Земле,
Танцующей, как лев на корабле,
Держашем курс плющовый прямо в Пилос, —

Четвероного было! Восхищенье
Рукоплесканьем выразив и страх
Пред монстром, обещавшим Дию крах
Заместо ляжек огнепrenoшенья

Быков, изыввших ужас, вся гора
Олимп в врага нацелила перун...
Как скажут, вознесясь до варварских трибун,
Соратники детей Юла: *divide et impera*.

Париж, 22 ноября 2006.

НА ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ

Я застыл на исходе эры,
Попирая чужие высоты,
Скрытен, злобен, достоин веры
И надежды с любовной икотой,

Разрывающей ей потроха.
Образумлен волной океанской,
Горд тюрьмой, где заклал петуха
Гиппократу с небрежностью панской –

– И не дрогнула с бритвой рука.
Распираемый кровью Христовой,
Здесь Баруху спляшу трепака
Багряницею счастливый новой.

Париж, 1 декабря 2006.

ЕЩЁ ВЫШЕ

Как будто Дионис мне глухо
Лихой свой секрет нашептал.
С лихвою прозрел, и – «Старуха!»,
Я в ухо-толпу прокричал.

Она же мигнула мне в мочке
Рубином еврейских царей,
Поставя тузовую точку
В азартной игре рыбарей.

То ухо пасхальной дланью
Пред смертью приставить мне дай,
Доверив горы волхованью
Единства телесного рай.

Париж, 23 апреля 2007

КЛОДЕЛЬ, ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА

Ко мне прильнула белая ланита
Принцессы хрупкой, тайну, короли,
Пропевшей чётко, точно из гранита
Печать локтя с онегинской земли

Вдруг выдрали *махиною безбожей*
Да передали галльским телесам
Прикрытым – вот уже! – воловою рогожей,
Кровавоустым, будто небесам

Метнувшим вызов утренней зарёю,
Такою бледной и печальной, что порою,
Сменив на вежды вежество слепца,
Забуть неймётся словно труп отца.

Париж, 19 февраля 2007

АЛЕЕТ ЗАПАД

Торжественно рождает холм
Закатно-ржавую молитву,
Сосняк ярится, словно в битву
Струится ратный Митры сонм

Сквозь сон дельфийских экивоков,
Сквозь строй мидийцев, медь таблиц,
Сквозь рокот Понта с злобой роков,
Понося орды скифов, ниц

Упавших пред царицей,
Что и распята и бледна,
Как Запад робкий – точно птица
Средь игл, Эсхил, прогвождена!

Гейдельберг, 9 мая 2007

СУТКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ

Я снова с вами, полутени,
Но жду изысканных теней.
В разбитом *low kick* колене
Икру уж мечет пульс ночей,

Когда плясун нисходит Божий
На персты, жаркие как встарь,
И расчленяется пригожий,
Учёным склеенный словарь,

В котором нет ни нотки стона,
Ни гаммы страсти золотой
Залитой в горло Эху гона
Пыльцой припудренной. Пстой!

Я буду с вами неуёмен,
Учтив и нежен, а потом
Свиреп, как мавр *одездемонен*,
За что прикован под дубом,

Где словно в штольне штольцевы советы
Из Божьих уст я слышу ночь да день.
Закрыв глаза, зажмурил для приметы,
Зажал в кулак ещё сильнее лень,

Вот – потянулся, – ровный хлад Полтавы
Рядами шведов брызнул от стены,
И испугавшись ратной этой славы,
Я кутаюсь от зябкости луны,

Подсаживаюсь к столику с ленцою,
Хвать за кадык скопца-карандаша,
Раскинув руки, лист хрустит мацою,
Да грифель лает, ласться и спеша...

Почти беззвучен, бригантиной,
На вздутых шаром парусах
Скользит ладонь — нет кисть! — плотиной
Набухла грудь, и в волосах

Трепещет солнце кругом митры
Рогатобыкой и шальной
Как пуля-дура. Вой ловитвы
Уж выдал Бога с головой,

Затмившей полуполдень мраком
Роенья в небе бассарид,
Чья фреска: Лика бой с Гераклом
Придаст стиху свирепый вид.

Париж, 1 февраля 2007

МНЕ КАЖДОЕ УТРО НА КРЫЛЬЯ

Мне каждое утро на крылья
Нисходит парчовая *дрянь*,
У шеи надпорет мантилью —
— Как Манов подманит. И рвань

Златую: Пактола теченье
(О, стыд альбатросовых крыл!),
Влеченье, мученье, реченье
На перья прольёт Азраил.

И помощи оной искатель,
Рванувши перо за вихор,
Исторгнет хоревт-птеродактиль,
Из пальца лебязий ихор.

Париж, 1 июня 2007

УБЕГАЯ ЛИГУРГА

Зрел день чудных зарейнских песнопений.
Овчарнь немецких колокольный плеск
Баюкал глянец виноградных тлений.
Урчал армадой стволохвойный блеск,

И рвался бор на гибель, к Роттердаму,
Во славу Тициановых царей,
Всех волооких, тирсоруких! *Ламма*
Савахтани и Сына без морей!?

Базель, 2 октября 2007

ВИНОКУРНЯ

Сильнее мести плененного Пора
Застонет Киппур рогом; так порой
Восплачет Ольгой Мойра: мора
Избегнуть над арийскою рекой

Никак нельзя! Пространство жаждет жатвы
Да двух оболов с барщиком хромым.
Вдовой соломенной за слово царской клятвы
Спиралит Соломеей винный дым.

Базель, 27 октября 2007

ЧЕЛОБИТНАЯ

Какая мука нахождения
Насушных звуков на устах
Усталых Муз! В пренебреженьи
Обронят слог. Лови! Иль прах

Сокроет рифму прочно
С цепным котярой да дубом –
– О нём довольно... Бью челом
Очеловечцам слов заочно.

Базель, 20 октября 2007

ПОЭТ

Паяц и вор, свирепый пересмешник,
Певец понтийских златорунных струн,
Скрижалей чтец, птенец, яйцо, скворешник,
Сколоченный гравером готских рун

Засумраченных Азией-могилой.
Замогиканен ложью да молвой,
Заперт как перс на ключ у Термопилов,
Заворожён тюрьмою да сумой

Распахнутой в предчувствии разбоя
Да кистенёвских барских кистеней,
Заклан, как Ифигения в Джанкое
За лань почти Латоновых кровей.

Базель, 6 ноября 2007

Я ОБЫГРАЛ ВАС, МИЛЫЕ МЕНАДЫ

«Вот дароносица, как солнце золотое ...»

О. Манделъштам

Я обыграл вас, милые менады,
В ночные прятки — прихоть королей.
Шаги шуршат шалые, из засады
Мне слышен шёпот хлётский: «Эй, Пенфей!..».

Задумчивый как детская гримаса
Состроенная грозди роковой
Сижу я в амфоре, и сусяная масса
Сусальным золотом искрится подо мной.

Париж, 9 октября 2007

ЛЕСБОС В ПАРИЖЕ

Полошит плющ решётчатой ограды
Тень бахромы безумья моего.
Змеится власть: ему-то ничего
Уж не отнять от медвяной услады,

С ней сладу нет; и купол Буги-Вуги
Зло воспарит над сизостью Парижа,
Чей камень от потуги
Восковой кровоточит, как грыжа,

Пред рекой, предрекши нож,
Наркоз, хирурга... *«Что ж,
мне помирать не лень!»*, – морочит люто
Лютесция французов-лилипутов,

Что сгрудившись гулящую толпой
Шугают Гулливеров: *«Гули-Гули!»*,
Иль вознесясь на Эйфеля ходули
Европу топчут девою стальной.

Париж, 20 ноября 2007

L'ODYSSÉE INACHEVÉE

Vers l'Orient aspiré par le trot, en berline,
Aux sabots des chevaux il murmure son spleen:
«*Mon midi, Mont... médy...*». Attention à l'arque !
Serre ta bride plus ferme et savoure, hipparque,

Le presto exquis de cette course-tarentelle
Amenant hors Paris le précieux, le plus bel
De principes belliqueux, incarné comme Logos,
L'Assassin du chaos par l'auguste cosmos.

Jaillissez étincelles ! Déployez vos panaches,
Tels le sang de Cassandre craché par la hache
Sur la noce royale richissime en or
De Mycènes, puis exposée aux terreurs

Tolérantes comme le Diable !
Loin de la foule qui remue ses hanches
De maquerelle quittant la Messe de dimanche
Arrosant de sa charité cuivrée l'humble

Dextre tendue de la femme pauvre !
Vous le savez, Sire, si je couvre
De mon âme vibrante votre retraite,
Ce que nous sommes perdus, comme si de Crète

L'édifice ensevelissait mon chant,
Sous la dalle de Dédale, sous le monstre mugissant !
L'Ultime vœux ? Ci fait, écoutez-moi Anjou,
Tel que vous êtes séant, je vous fesse les joues !

Paris, le 21 juin 2006

PARODOS

Paris, nouvelle Thèbes interdite à Bacchus,
Je suis ta nocturne ménade
Qui guette le crépuscule à Picpus
Reniflant les odeurs du cimetière, à un stade¹,

Pétillantes de ses âmes encore ivres du sang.
J'avale de ma bouche scythe l'hameçon
Aiguisé par ce patois de latin
Parcourant mon gosier en souliers de satin;

Et décèle les couleurs de l'océan d'Ossian
Sur le ciel bleu-roi déchaîné, enroulant
Ses mystères sur la scytale en trident
Qui remue son éther blême-Occident.

Philosophes-troglodytes, sordide canaille,
Je prépare le retour de ce dieu, vaille que vaille!
La nuit tombera à ses pieds, paladine,
Explosant l'asphalte rose comme la neige d'Engadine,

Et la bête, aussi blonde que les sapins de Pindare,
Digne du pinceau humaniste d'Holbein,
À l'oreille de la ville, dans sa langue barbare,
Glissera: «*Wer soll der Erde Herr sein?!*».

Paris, le 1 octobre 2006

¹ Un stade olympique – mesure de longueur grecque, environ 184 m.

QUESTION

«*Que tu es beau!*», – murmure le miroir
Pendant que je m'habille, ruisselant
D'écume grise et tiède, à l'instar
D'Égalité qui me poursuit, mourant.

Car je suis mortel! Écoute-moi, Cybèle
(Grillon, silence!). Je parle à tes mamelles
Pendantes qui brillent et reflètent
Réponse lydienne à ma question muette:

«*Fallait-il naître?*». Et la buée rosie
Par l'aube moisie et ronde comme un bouchon
Rétorique par l'effacement aussi méchant
Qu'un Silène avec son ironie.

Paris, le 1 février 2007

СОДЕРЖАНИЕ

ВИНОЦВЕТНОЕ МОРЕ	7
МАНДЕЛЬШТАМ	8
ОШИБКА ВЕКОВ	9
ВОЗВРАЩЕНИЕ И ОБЕТ ЯКХУ	10
РОЖДЕНИЕ КАИНА	11
ПРЕДРАССВЕТНОЕ ПИНДАРОЧТЕНИЕ	12
ШОТЛАНДСКАЯ ПОЭМА: «КИСТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ»	13
PARODOS	15
ЧЕРЕШЕННЫЙ САД	16
ОРАКУЛ ЛИВРИ	17
ЗАКЛИНАНИЕ	18
МОШЕННИЧЕСТВО	19
ШУТКА АРИСТОФАНА	20
НА ГОРЕ ЕЛЕОНСКОЙ	21
ЕЩЁ ВЫШЕ	22
КЛОДЕЛЬ, ЗОЛОТАЯ ГОЛОВА	23
АЛЕЕТ ЗАПАД	24
СУТКИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ	25
МНЕ КАЖДОЕ УТРО НА КРЫЛЬЯ	27
УБЕГАЯ ЛИГУРГА	28
ВИНОКУРНЯ	29
ЧЕЛОБИТНАЯ	30
ПОЭТ	31
Я ОБЫГРАЛ ВАС, МИЛЫЕ МЕНАДЫ	32

ЛЕСБОС В ПАРИЖЕ	33
L'ODYSSEE INACHEVEE.....	34
PARODOS	35
QUESTION	36

Анатолий Ливри
ПОСМЕРТНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ
Стихи

Совместный издательский проект серии «Русский Гулливер»
и литературного клуба «Классики XXI века»

Руководители проекта

Вадим Месяц

Елена Пахомова

Главный редактор серии *Андрей Тавров*

Оформление серии *Маргарита Каганова*

«Русский Гулливер»

тел. +7 495 159%00%59

<http://gulliver.commentmag.ru/>

E%mail: a_tavrov@mtu%net.ru

Литературный клуб «Классики XXI века».

Издательство Р. Элинина.

Страстной б-р., д. 6 стр. 2, Москва

Чеховский культурный центр

www.klassiki21.ru/club

Подписано в печать 14.04.2008. Формат 140x200.

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Заказ № 1111

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Cherry Pay».

115114, г. Москва, 2-й Кожевнический пер., 12